

№ 4

ВОСПОМИНАНИЯ О НАЧАЛЕ ЗНАКОМСТВА
С Н. А. ДОБРОЛЮБОВЫМ

Милый друг,

Расскажу Тебе некоторые из своих воспоминаний о начале моего знакомства с Добролюбовым.

Бывши учителем гимназии в Саратове, я познакомился с некоторыми из молодых людей, находившихся тогда в высших классах ее. Те из них, которым случилось попасть в Петербургские учебные заведения, были частыми гостями у меня в Петербурге. Одним из них был Николай Петрович Турчанинов, юноша очень благородного характера и возвышенного образа мыслей. Он был студент Педагогического Института.

Я в те годы довольно часто бывал у Срезневского. Он читал лекции по славянским наречиям и в Пед[агогическо]м Институте, как в Университете. Однажды он рассказал мне, что два студента Пед. Ин-а подверглись бедственной случайности: у них были найдены заграничные издания Герцена, Давыдов (директор Института) хочет вести это дело формальным порядком; если будет так, они погибнут. Одного из них ему (Срезневскому) жаль только, как было бы жаль всякого погибающего молодого человека, это юноша посредственный, скорее даже плохой, чем хороший; но другой — человек необыкновенно даровитый и уж обладающий знаниями, обширными не по летам его; притом благородный; этого молодого человека ему очень жаль; и не ему одному из профессоров Пед. Ин-та; он и некоторые другие профессора П. Ин-а решили настойчиво убеждать Давыдова бросить дело, по сущности своей ничтожное даже с официальной точки зрения, но при формальном порядке ведения его подвергающее гибельной судьбе попавших под него. Срезневский называл фамилии этих студентов; я плохо запомнил их. — Через несколько дней Срезневский сказал мне, что ему и его товарищам удалось урезонить Давыдова; молодые люди избавились от беды. Избавились, то и прекрасно. Я совершенно перестал помнить эту историю¹.

Прошло довольно много времени, несколько месяцев, или год, или больше, не помню теперь; но много времени². Однажды Турчанинов принес мне тетрадь и сказал, что его товарищ, Добролюбов, просил его отдать ее мне, чтоб я посмотрел, годится ль она для «Современника». Это была статья о «Собеседнике любителей русского слова». Турч — в очень хвалил автора и говорил, что горячо любит его.

Не помню, тотчас ли, при Т—е, я прочел несколько страниц и тогда же сказал ему ответ, или отложил тетрадь в сторону и сказал Т—у, что дам ответ, когда он зайдет в следующий раз. Помню только, что, прочитав две, три страницы, я увидел: статья написана хорошо, взгляд автора сообразен с мнениями, какие изла-

гались тогда в «Совр—е», и читать дальше нет надобности. И когда, в тот ли раз, или при следующем посещении Турч—а, я давал ему ответ, то дал такой: статья хороша, будет напечатана в «Совр—е», и я прошу Т—а пригласить автора побывать у меня.

Через день или через два пришел ко мне Добролюбов; один ли, или с Турч—вым, я не помню; если с Турч—вым, то Турч—в скоро ушел, — то-есть, может быть, через час или полтора, напившись чаю; и пока был тут, то не играл никакой роли в разговоре. Так ли или иначе, один или вместе с Тур—вым Добролюбов зашел ко мне в первый раз, но он просидел со мною очень долго один; пришли они вдвоем или пришел один он, вечером; а часов с 9 мы сидели с Добр—вым только вдвоем; если приходил с ним Т—в, то к этому времени ушел и остался (если так, то, разумеется, по моему приглашению остаться) один Д—в; и просидели мы с ним вдвоем по крайней мере до часу; мне кажется, часов до двух, и толковали мы с ним о его понятиях. Я спрашивал, как он думает о том, о другом, о третьем; сам говорил мало, давал говорить ему. Дело в том, что по статье о «Собеседнике» мне показалось, что он годится быть постоянным сотрудником «Совр—а». Я хотел узнать, достаточно ли соответствуют его понятия о вещах понятиям, излагающимся тогда в «Совр—е». Оказалось, соответствуют вполне. Я, наконец, сказал ему: «я хотел увидеть, достаточно ли подходят ваши понятия к направлению «Совр—а»; вижу теперь, подходят; я скажу Некрасову, вы будете постоянным сотрудником «Совр—а». Он отвечал, что он давно понял, почему я мало говорю сам, даю говорить все ему и ему. — Тогда я стал спрашивать его о личных его делах. Рассказав об отце, о своем сиротстве, о сестрах, он стал говорить о своем положении в Институте; дошло дело до того, что он находится в опале у Давыдова, по поводу того, что у него и Щеглова (не помню эту фамилию, кажется — Щеглов) были найдены заграничные издания Герцена. Только тут мне вспомнилась история, слышанная от Срезневского; «Так это были вы, Николай Александрович! Вот что!» — Мысли у меня в ту же секунду перевернулись. — «Когда так, то дело выходит неприятное для вас и для меня, нуждающегося в товарище по журнальной работе: эту статью, так и быть, поместим; одну статью можно утаить от Давыдова. Но больше не годится вам печатать ничего в «Совр—е» до окончания курса. Если бы Давыдов узнал, что вы пишете в «Совр—е», то беда была бы вам. Итак, когда кончите курс и станете независим от Дав—ва, тогда и начнете постоянно писать для «Совр—а»; а раньше нельзя». Он возражал. Я, разумеется, остался при своем.

И не вполне выдержал решение, которое считал необходимым для безопасности Добр—ва. Через несколько недель он принес мне рецензию, написанную им об «Описании Главного Педагогического Института». Если чего не следовало для его безопасности печатать до окончания им курса, то конечно именно такой статьи. Но ему очень хотелось, чтоб она была напечатана, и я уступил.

Дело сошло благополучно для него; статья была принята за написанную мною, как я и надеялся, уступая желанию Добр—ва³.

Сделал я и другую уступку ему, но уж не такую неизвинительную: месяца через три напечатал его ответ Галахову⁴; предмет был безопасен для него.

Сделал, незадолго до развязки его отношений к Институту и Давыдову, и третью уступку ему: напечатал его статью «О значении авторитета в воспитании». Эта уступка тоже извинительна: предмет статьи был безопасный для него. Притом, до окончания курса Добр—ву оставалось так мало времени, что можно было иметь уверенность: дело не успеет обнаружиться.

№ 5

ПО ПОВОДУ «АВТОБИОГРАФИИ» Н. И. КОСТОМАРОВА

Ты говорил, чтобы я делился с Тобою своими литературными воспоминаниями. Я и вздумал употребить этот вечер на то, чтоб рассказать Тебе что-нибудь из них. Хотел писать о Некрасове. Но это заняло бы не один вечер. А я имею только один свободный. Перебирал я в мыслях другие темы. Но все они оказывались тоже слишком обширны. Взглянул — на столе лежит июньская книжка «Русской мысли». Вот и прекрасно. Напишу что-нибудь по поводу «Автобиографии» бедного больного чудака, моего бывшего приятеля, бегавшего от меня в последнее время моей петербургской жизни¹.

А кстати, знаешь ли Ты, почему он стал бегать от меня? Ты и два другие интригана, Утин и Спасович, были причиною того, что ему заблагорассудилось бегать от меня. Теперь понимаешь? — Да, разумеется, вышло то, что Ты теперь, по всей вероятности, уж угадываешь.

Однажды он вбегает ко мне в неистовом азарте и с криками, с беготнею по комнате начинает жаловаться на Тебя, Утина и Спасовича: вы устроили против него интригу; целью вашей интриги было добиться того, чтоб он не читал свою речь; и вы добились этого: он не будет читать свою речь! — Что такое? Какая речь? Где и как он хотел читать ее? И почему он не будет читать ее? — Я в то время совершенно не интересовался университетскими делами; забыл, что скоро будет акт в университете; вероятно, слышал от Костомарова, что в этом году будет читать речь на акте он; но если и слышал, то забыл². — «А! скоро будет акт в университете; и вы написали речь для акта? И вам сказано кем-нибудь, что вы не будете читать ее?» — «Да, Плетнев сказал». — «И это он сказал по наущению Утина, Спасовича и моего брата?» — «Да». — «Он сказал, что он делает это по их наущению?» — «Нет, он сказал не то; он сказал: речь очень длинна; акт и без того будет длинен. Но я сам знаю: это они! Это они!» — «Да какая охота могла